

М. Стахова

Константин Бальмонт

Поэта Константина Дмитриевича Бальмонта традиционно относят к представителям старшего поколения русского символизма. Однако все его творчество нельзя признать чисто символистским. Для Бальмонта декадентство служило не только и не столько формой эстетического отношения к жизни, сколько удобной оболочкой для создания образа творца «нового искусства». Принятая поэтом личина «стихийного гения», эгоцентризм, доходящий до нарциссизма, с одной стороны, и вечное «солнцепоклонство», верность мечте, поиски прекрасного и совершенного — с другой, позволяют говорить о нем как о поэте неоромантического склада. При этом нельзя отрицать, что присущая Бальмонту «солнечность», стремление к постоянному обновлению («Когда слушаешь Бальмонта — всегда слушаешь весну», — писал о нем Блок), способность «остановить мгновение», и при этом богатая палитра красок, свет и воздух, которые пронизывают его стихи, особенно ранние, придают его творчеству импрессионистический характер.

Бальмонт написал 35 книг стихов, 20 книг прозы, его переводы составляют более 10 000 печатных страниц (среди них — поэты разных стран: В. Блейк, Э. По, П.Б. Шелли, О. Уайльд, Ш. ван Лерберг, Гауптман, Бодлер, Задерман; испанские песни, словацкий, грузинский эпос, югославская, болгарская, литовская поэзия, а также стихотворения поэтов Мексики, Полинезии, Японии и Индии). Этот список бесконечен: Бальмонт и в переводческой деятельности, как и в поэзии, был ненасытен и всеохватен. Среди написанного им есть художественная и автобиографическая проза, мемуары, филологические трактаты, историко-литературные исследования и критические эссе, а также «записные книжки» и многочисленные письма. В 1910 поэт заявил, что через полвека будет издано собрание его сочинений в девяносто трех томах или выше. Это предсказание не сбылось, как не сбылись и многие другие пророчества, к которым экзальтированный автор был весьма склонен. Бальмонт вообще любил мистификацию, необычные поступки, нарочито пренебрегал условностями, что провоцировало появление многочисленных сплетен, анекдотов, таинственных историй. Театральность, эпатаж часто служили ему дурную службу (достаточно вспомнить строки «Я ненавижу человечество...» или «Хочу я зная атласной груди... хочу одежды с тебя сорвать»). Однако крупнейший исследователь творчества поэта В. Орлов считает, что все это было наносное: «При всей экзальтированности, сделанности, сверхчеловечности Бальмонт был неутомимым тружеником». Он очень много работал, писал каждый день и очень плодотворно, всю жизнь занимался самообразованием («прочитывал целые библиотеки»), с легкостью изучал языки, интересовался не только литературой и искусством, но и естественными науками — химией, ботаникой, геологией и др. При этом много путешествовал, объездил буквально весь свет, отдаваясь сладостному ощущению победы «над веками и пространствами», не только обогащаясь все новыми и новыми впечатлениями, но и погружаясь в историю, этнографию, фольклористику каждой новой страны.

И хотя 93 тома его сочинений не изданы и никогда не будут изданы, его «исступленная любовь к поэзии, тонкое чутье к красоте стиха», необыкновенная музыкальность и способность уловить и запечатлеть тончайшие нюансы любовного чувства и настроения природы позволяют говорить о нем как об одном из самых интересных поэтов Серебряного века.

Константин Дмитриевич Бальмонт родился 3(15) июня 1867 в деревне Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии в семье председателя земской управы. По семейным преданиям, предками со стороны отца были шотландские или скандинавские моряки, переселившиеся в Россию. Мать, Вера Николаевна Лебедева, происходила из древнего татарского рода, шедшего от князя Белый Лебедь Золотой Орды (возможно, это еще один из семейных мифов, который, впрочем, подтверждает вторая жена поэта — Екатерина Алексеевна Бальмонт в своих воспоминаниях). Мать оказала огромное влияние на формирование личности будущего поэта, унаследовавшего от нее не только «необузданность и страстность», но и весь «душевный строй».

Учился Бальмонт в Шуйской гимназии, но в 1884 был исключен за принадлежность к революционному кружку, затем поступил во Владимирскую гимназию, которую окончил в 1886. «Гимназию проклинаю всеми силами. Она надолго изуродовала мою нервную систему», — писал впоследствии поэт в автобиографии. Подробно детские и юношеские годы, проведенные в родовой усадьбе, описаны в автобиографическом романе «Под новым серпом» (Берлин, 1923).

В 1886 Бальмонт поступил в Московский университет на юридический факультет, из которого в 1887 был отчислен как один из организаторов студенческих беспорядков. После непродолжительного обучения в Демидовском юридическом лицее Ярославля он вообще отказывается от мысли получить «казенное образование».

1885 год был ознаменован двумя важными событиями в жизни Бальмонта — знакомством с В. Короленко, которого он считал своим «крестным отцом», и первой публикацией в петербургском журнале «Живописное обозрение».

В 1890 на деньги автора издан в Ярославле первый «Сборник стихотворений» поэта, включавший переводы и оригинальные стихи. Книга успеха не имела и, по утверждению автора, весь ее тираж был им уничтожен.

В 1889 Бальмонт женился на Ларисе Михайловне Гарелиной, но брак был неудачным. Бытовые неурядицы, семейные проблемы, нервное расстройство толкнули Бальмонта на самоубийство (он, прочитав накануне ночью «Крейцерову сонату» Л. Толстого, выбросился из окна, но не разбился насмерть, а только изуродовал себя — хромота осталась на всю жизнь). Год лечения и лежания в постели способствовал «небывалому расцвету умственного возбуждения и жизнерадостности»: «И когда наконец я встал, душа моя стала вольной, как ветер в поле, никто уже не был над ней властен, кроме творческой мечты, а творчество расцвело буйным цветом» (Воздушный путь. Берлин, 1923).

«Начало литературной деятельности, — писал Бальмонт в автобиографии, — было сопряжено со множеством мучений и неудач». Поэт много работает: занимается переводами, пишет статьи и рецензии для журналов и газет. По свидетельству второй жены Бальмонта, большое участие в судьбе ее мужа в это время приняли писатель В. Короленко, публицист и переводчик П. Николаев, Н. Стороженко — профессор кафедры всеобщей литературы Московского университета и князь А. Урусов — меценат, поклонник литературы и театра. О последнем Константин Дмитриевич писал: «Урусов помог моей душе освободиться, помог мне найти самого себя» (Горные вершины. М., 1904).

В 1894 вышел стихотворный сборник «Под северным небом» (который считается первой книгой поэта), содержащий характерные для поколения 1890-х жалобы на унылую, безрадостную жизнь, романтические переживания. Однако критики отметили одаренность поэта, музыкальность его произведений, изящество формы. К этому же году относится знакомство Бальмонта с Брюсовым (об истории их взаимоотношений можно прочитать в документальном повествовании А. Нинова «Так жили поэты...»), которое переросло впоследствии в дружбу.

Второй сборник «В безбрежности» (1895) и третий «Тишина» (1898) были поисками нового пространства, новой свободы, попытками утверждения индивидуальности. Идея мимолетности, стремление запечатлеть уходящие мгновения, изменчивость настроений, повышенное внимание к технике стиха (увлечение звукописью, музыкальность) — вот отличительные черты ранних книг Бальмонта. В записных книжках, имея в виду вышеназванные сборники, он писал: «...Я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые».

В 1896 Бальмонт женился на Е. Андреевой, вместе с которой переводил Гауптмана, Нансена. Вскоре они уехали в Европу, побывав во Франции, Испании, Голландии, Англии, Италии. Впечатления от его путешествий 1886–1887 отражены в книге «Тишина» («Мертвые корабли», «Аккорды», «Пред картиной Эль Греко», «В Оксфорде», «В окрестностях Мадрида», «К Шелли» и др.).

Несмотря на богатство и остроту новых впечатлений, Бальмонт испытывал щемящую тоску по родине: «Боже, до чего я соскучился по России. Все-таки нет ничего лучше тех мест, где вырос, думал, страдал, жил. Весь этот год за границей я себя чувствую на подмостках, среди декораций. А там — вдали — моя родная печальная красота, за которую десяти Италий не возьму» (из письма к матери из Рима).

Следующие три книги — «Горящие здания» (1900), «Будем как солнце» (1903), «Только любовь» (1905) — возносят Бальмонта на вершину российского Парнаса, делают известным, модным поэтом. Задачи новой поэзии автор видел прежде всего в поисках «новых сочетаний мыслей, красок и звуков». Это то, что касается техники стиха. (Здесь поэт идет в направлении расширения музыкальных возможностей фразы, утверждения новых сочных и «разящих» образов, создания ярких и разнообразных декораций.) Что же касается «новых мыслей», то поэт захвачен идеей создания «лирики современной души», души, у которой есть «множество ликов». В предисловии к «Горящим зданиям» Бальмонт указал свой девиз: «Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь». Стремление к внутреннему освобождению и познанию самого себя — центральный мотив книги, в которой следует смена не только масок, но и декораций: автор заставляет своего героя перемещаться во времени и в пространстве: здесь эпоха Ивана Грозного и Бориса Годунова, скифские набеги и Древняя Русь, Запад и Восток («Скифы», «Опричники», «В глухие дни», «Смерть Димитрия Красного», «Как испанец», «Замок Джэн Вальмор», «Чары месяца», «Исландия», «Воспоминания», «Индийский мотив», «Индийский мудрец» и др.). Утверждая образ сильного героя, «стихийного гения», «сверхчеловека», Бальмонт восторженно восклицает: «О, блаженство быть сильным и гордым и вечно свободным!» («Альбатрос»).

Но любовь к сильному герою, «Избранному», «Посвященному», «Сыну Солнца» не свободна от противоречий, что отчетливо ощущается в стихотворении «Избранный» (1899).

Посылая «Горящие здания» Л. Толстому, Бальмонт писал: «Эта книга — сплошной крик души разорванной и, если хотите, убогой, уродливой. Но я не откажусь ни от одной ее страницы, и — пока — люблю уродство не меньше, чем гармонию».

Эстетизация уродства, стремление ко всему таинственному, inferнальному, столь декларативно заявленные в сонете «Уроды», найдет свое продолжение в книгах «Будем как солнце» и «Только любовь», в таких стихотворениях, как «Голос Дьявола», «Колдунья», «Белый Ангел», «Дьявол моря» и др.

В 1901 за публичное чтение стихотворения «Маленький султан», пронизанного антиправительственными настроениями, Бальмонт был выслан из Петербурга (с запрещением жить в Москве и других университетских городах). 1901–1902 он провел в своей усадьбе Сабынино под Курском, где работал над книгой «Будем как солнце».

В марте 1902 поэт уезжает за границу и живет в Париже, Оксфорде, Бельгии, Германии, в 1903 возвращается в Москву.

Книга «Будем как солнце» (1901) явилась попыткой создать космогоническую картину мира, в центре которого находится Солнце, вечный источник всего живого. Весь сборник проникнут пантеистическими мотивами поклонения стихийным силам — Луне, звездам, ветру, огню, воде («Гимн огню», «Воззвание к океану», «Ветер», «Завет бытия» и др.). Наряду с космогоническими мотивами в сборнике нашла отражение столь излюбленная поэтом теория мига, волшебного мгновения: «У мысли нет орудья измерить глубину, // Нет сил, чтобы замедлить бегущую весну. // Лишь есть одна возможность сказать мгновенью: “Стой!” Разбив оковы мысли, быть скованным — мечтой».

Эти же темы являются центральными в сборнике «Только любовь». Поэт продолжает петь гимн солнцу, свету, «жизни подателю, светлому создателю», выводящему мир, томившийся во мраке, «к красивой цельности отдельной красоты». Пожар в крови, любовное горение, экстаз чувств воспеваются в стихотворениях «Гимн Солнцу», «Солнечный луч», «Линии света» и др. Вышеназванные книги — время творческого взлета Бальмонта. В 1900–1903 поэт создал свои лучшие стихотворения: «Безглагольность», «Веласкес», «Я — изысканность русской медлительной речи...», «Нежнее всего» и др.

В 1904–1905 издательство «Скорпион» выпустило собрание стихотворений поэта в двух томах. Этот период завершается сборником «Литургия красоты. Стихийные гимны», в котором поэт бросает упрек людям, «разлюбившим Солнце», разорвавшим привычные связи, видящим золотой блеск только в лучах «презренного металла» («Люди Солнце разлюбили», «Проклятия человекам», «Человечки», «Бедлам наших дней» и др.).

В конце 1905 в издательстве «Гриф» вышла книга «Фейные сказки», посвященная Нинике — Нине Константиновне Бальмонт-Бруни, дочери Бальмонта и Е. Андреевой, и вызвавшая восторженный отзыв Брюсова.

В 1905 Бальмонт отправился в путешествие в США и Мексику. Результатом этой поездки явились не только путевые заметки и очерки, в которых он описал наиболее выдающиеся памятники древнемексиканских культур, но и переводы мифов ацтеков и майя, составившие книгу «Змеиные цветы».

После возвращения из поездки Бальмонт оказался в самой гуще революционных событий 1905. В это время им созданы антимонархические произведения, составившие сборники «Стихотворения» (1906), «Песни мстителя» (1907). Он сотрудничает в большевистской газете «Новая жизнь» и издаваемом А. Амфитеатовым парижском журнале «Красное знамя». Однако его революционность не имела под собой ярко выраженной политической программы, это было скорее стихийное стремление к абсолютной свободе: «Социал-демократическая диктатура мне так же ненавистна, как и самодержавие, как и всякая власть», — пишет он в 1905 поэтессе Л. Вилькиной.

Опасаясь преследования (обе революционные книги Бальмонта были запрещены к распространению в России), 31 декабря 1905 поэт нелегально оставил Родину на семь с лишним лет. Свое длительное пребывание за границей он считал политической эмиграцией (А. Нинов в документальном исследовании «Так жили поэты...», подробно исследуя материалы, касающиеся «революционной деятельности» Бальмонта, приходит к выводу, что охранка считала поэта опасным политическим лицом и негласный надзор за ним сохранялся даже за границей). Живя в Париже, он совершает длительные поездки по Европе и очень тоскует по России: «...временами мне кажется, что я уже не живу, что только струны мои еще звучат» (из письма к Ф. Батюшкову). Ностальгия способствовала обращению поэта к национальной тематике, стимулировала увлечение русской и славянской стариной. Бальмонт погружается в стихию Древней Руси, перелагая былины и народные сказанья на «декадентский» лад. Фольклорные сюжеты, поэзия заговоров,

заклинаний и религиозное сектантство нашли отражение в книгах «Злые чары» (1906), «Жар-птица. Свирель славянина» (1907) и «Зеленый ветроград. Слова поцелуйные» (1909). Эти сборники отчетливо свидетельствуют о явном спаде в творчестве Бальмонта. Блок уже в 1905 писал о «чрезмерной пряности» стихотворений поэта, «о переломе», наступившем в его творчестве. Действительно, недостатками названных сборников является не только рассудочность и утомительная стилизованность, но и недостаток вкуса и меры у автора, самоповторяемость, кружение вокруг одних и тех же тем и образов. Те стилистические находки, которые являлись украшением ранней поэзии Бальмонта, при многократном повторении, унылом варьировании вызывали раздражение у читателя. «Златоцветность», «вечная солнечность», «тайновидец, песнопевец», «воздушно-алый», «стозвонный» и другие «бальмонтизмы», которыми пестрели страницы названных книг, а также сборников «Птицы в воздухе» (1908) и «Хоровод времен» (1909), делали книги поэта вялыми, однообразными и натянутыми.

В это время Бальмонт продолжает жить в Париже и совершает поездки по разным странам. В 1912 он отправляется в кругосветное путешествие, длившееся почти год (Южная Африка, Австралия, Новая Зеландия, Полинезия, Цейлон, Индия). В 1913 после объявления политической амнистии поэт возвратился в Москву, где его ждала торжественная встреча и многолюдный банкет (в 1912 в Петербурге блестяще прошло заочное чествование Бальмонта, посвященное 25-летию его литературной деятельности, которое было организовано Неофилологическим обществом). После возвращения на родину Бальмонт много ездит по стране с лекциями, посещает Грузию, учит грузинский язык, активно занимается переводческой деятельностью («Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Упанишады», драмы Калидасы и пр.).

В 1915 выходит книга Бальмонта «Поэзия как волшебство» — трактат о сущности и назначении лирической поэзии. Поэт приписывает слову «заклинательно-магическую силу» и даже «физическое могущество». (До этого он неоднократно обращался к проблемам языка, творчества. Его литературно-критические статьи, эссе — «Горные вершины» (1904), «Белые зарницы» (1908), «Морское свечение» (1910) — посвящены русским и западноевропейским поэтам.)

В 1915–1916 Бальмонт предпринимает лекционные поездки по центральной и азиатской части России, в мае 1916 посещает Японию. Он не перестает писать, особенно часто обращается к жанру сонета. В эти годы поэтом создано 255 сонетов, которые составили сборник «Сонеты Солнца, Неба и Луны» (1917).

Свержение самодержавия Бальмонт встретил восторженно, к Октябрьской же революции у него было резко негативное отношение. Будучи поборником абсолютной свободы, он не мог принять диктатуры пролетариата, которую считал насилием, «уздой на свободном слове». Считая себя «истинным революционером», он в 1918 выпустил книгу «Революционер я или нет?» (в нее вошли и стихи, и проза), в которой пытался «опротестовать» Октябрь.

В 1917–1918 Бальмонт по-прежнему много работал: писал стихи, переводил, изучал шведский язык, сотрудничал в советских журналах, выступал с публичными лекциями. Общественной деятельности он не вел и политикой не занимался. В 1918–1920 жил в Москве или подмосковном поселке Новогиреево. По свидетельству Б. Зайцева, в эти годы он «нищенствовал, голодал, на себе таскал дровишки из разобранного забора».

В марте 1920 был отмечен юбилей поэта — выход его первого («ярославского») сборника стихов, а в июне вместе с женой (Е. Цветковской) и дочерью Миррой он навсегда покинул Россию (отъезд устроил старинный друг Бальмонта Ю. Балтрушайтис).

В эмиграции он жил в Париже, либо в небольших городках на берегу Атлантического океана. Его литературная деятельность 1920-х – середины 1930-х была очень интенсивной: сотрудничал в парижских газетах «Последние новости» и «Современные записки», в некоторых прибалтийских изданиях, издавал книги, читал

лекции в Сорбонне, у него было несколько публикаций в американских и итальянских газетах. В конце 1920-х Бальмонт переводил славянских и литовских поэтов. Но, несмотря на такую напряженную работу, зарабатывал он мало и был вынужден подолгу жить в провинции. «Эмиграция прошла для него под знаком упадка, — отмечал Б. Зайцев. — Как поэт он вперед не шел, хотя писал очень много». За границей им были созданы сборники «Марево» (1922), «Мое — ей» (1924), «В раздвинутой дали» (1929), «Голубая подкова» (1935), «Светослужение» (1936–1937).

Поэт очень болезненно переживал разлуку с Родиной: «...Нет дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа, когда бы я не порывался вернуться». Тоска по родине, отрыв от родной почвы, утрата корней («Мое сердце в России, а я здесь, у океана. Бытие неполное», — писал он одному из корреспондентов) — вот основные темы эмигрантского периода творчества, нашедшие отражение в стихотворениях «Прощание с деревом», «Узник», «Просветы», «Сны», «Она», «Россия», «Мое — ей», «Я русский» и др.

В позднем творчестве поэта мало «бальмонтизмов», его стиль стал суше, краски — прозрачнее, а музыка стиха — грустнее и тише.

В 1932 у Бальмонта появились первые признаки душевного заболевания. До 1936 он жил в убежище «Русский дом», устроенном для нуждающихся эмигрантов матерью Марией (Е. Кузьминой-Караваевой) в местечке Нуазиле-Гран. Болезнь быстро прогрессировала, поэт подолгу лечился в клинике, и в творческом отношении 1937–1942 были практически бесплодными. В 1942 Константин Дмитриевич скончался. Перед смертью он исповедовался. «...Этот, казалось бы, язычески поклонявшийся жизни, успехам ее и блескам человек, исповедуясь перед кончиной, произвел на священника глубокое впечатление искренностью и силой покаяния — считал себя неисправимым грешником, которого нельзя простить» (Б. Зайцев).

Проводить поэта в последний путь пришли несколько человек, на памятнике его по-французски выбили слова: Константин Бальмонт — русский поэт.

Это исчерпывающая характеристика, ибо, как сказала о нем М. Цветаева: «На Бальмонте, в каждом его жесте, шаге, слове — клеймо — печать — звезда — поэта».